

УДК 82.091

Сытина Ю.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» РУБЕЖА 1830–1840-Х ГГ. И РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ¹

Аннотация. Статья посвящена изучению отражения в художественной литературе процесса зарождения и развития в России женской эмансипации. По мнению автора, назревание «женского вопроса» было во многом обусловлено становлением реализма с его вниманием к социальной проблематике и ростом женской эмансипации в Европе. Материалом для исследования послужили «Отечественные записки» в качестве одного из передовых русских изданий 40-х гг. XIX в. Как показал анализ журнала, в русской литературе продолжала доминировать патриархальная картина мира. «Женский вопрос» ставился не столько в социально-политической перспективе, сколько в перспективе нравственно-этической и духовной. Выявлено, что вместе с тем, несмотря на господство в русском обществе негативного отношения к эмансипации, рост интереса к судьбам прекрасного пола свидетельствовал о всё более возрастающей важности роли женщины в обществе.

Ключевые слова: «Отечественные записки», литературный процесс, патриархальность, женская эмансипация, романтизм, реализм.

Yu. Sytina

*Moscow Region State University
10A Radio ul, Moscow 105005, Russian Federation*

«OTECHESTVENNYE ZAPISKI» («DOMESTIC NOTES») MAGAZINE ON THE EDGE OF 1830-1840S AND THE DEVELOPMENT OF WOMEN'S EMANCIPATION

Abstract. The article studies the way the Russian literature reflects the process of women's emancipation originated and developed. The author considers the women's issue to become imminent mostly due to the development of realism and its attention to social problems. Besides, the growth of women's emancipation in Europe also had certain influence. The material for the research has become the magazine

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 15-34-11091а (ц) «Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте» / The work is fulfilled within the Russian Foundation for Basic Research grant No. 15-34-11091a (ц) "Russian classical literature in the world cultural and historical context".

«Otechestvennye Zapiski» («Domestic notes»), which was one of the most advanced Russian editions of the 40s of the XIX century. As the analysis of the magazine showed the patriarchal picture of the world dominated in the Russian literature of that time. "The women's issue" was discussed not in the social-political perspective, but rather in moral-ethical and spiritual ones. It is stated that in spite of the domination of negative attitude to the women's emancipation in the Russian society the growth of interest to the fate of the fair sex testified the growing importance of a woman in the society.
Key words: «Otechestvennye Zapiski» («Domestic notes») magazine, literary process, patriarchal character, women's emancipation, romanticism, realism.

К 40-м гг. XIX в. «женский вопрос» начинает приобретать в обществе всё большую актуальность, решительно проникая на страницы художественных и публицистических произведений, публикуемых в периодических изданиях. Этому способствуют и растущая слава Жорж Санд (Авроры Дюпен), и увеличение числа произведений других европейских (Жанлис, Жермена де Сталь, Джейн Остин) и русских (Е.П. Ростопчина, З.А. Волконская, Н.С. и С.С. Тепловы, М.С. Жукова, Е.А. Ган, К.К. Павлова, Н.А. Дурова, М.А. Лисицына, А.П. Бунина, А.И. Готовцева, Е.А. Тимашева) поэтесс и писательниц. В обществе также живёт память о женах декабристов, бесстрашно отправившихся в Сибирь вслед за супругами. «Изобразите же мне эту обновлённую женщину, г. Повествователь! Ту, что оторвётся от друзей, от родных и пойдёт за вами в Сибирь...», – восклицал С.П. Шевырев и добавлял: «В России женщина едва ли не лучше мужчины, <...> мать, воспитанница будущего человека в России» [33, с. 127, 128].

Яркие женские образы неизменно появляются в поэзии и прозе 1830-х гг., причём воздушные, абстрактно-прекрасные романтические красавицы постепенно обретают всё более реалистические оттенки, героини конкретизируются и индивидуализируются, из некоего возвышенного мира грёз и фантазий они «опускаются» на землю – и именно на русскую землю, в современное литераторам той поры общество. В этом сказываются и собственно литературный процесс, идущий от романтизма к реализму, и увеличение внимания к роли и положению женщины в обществе, и постепенное, в России пока ещё подспудное, развитие женской эмансипации.

В 30-е гг. XIX в. растёт число поэтесс и писательниц [см. подробнее: 10; 13; 17; 21; 24; 25; 31; 32], всё чаще женские образы появляются в произведениях, написанных женщинами, вбирая автобиографические черты, обретая исповедальный характер. Как отмечал В.Г. Белинский, «женщина лучше, нежели мужчина, может изображать женские характеры, и её женское зрение всегда подметит и схватит такие тонкие черты, такие невидимые оттенки в характере или положении женщины, которые всего резче выражают то и другое и которых мужчина никогда не подметит» [3, с. 115]. Однако в обще-

стве отношение к перспективам женской эмансипации, как и к талантам прекрасного пола, остаётся неоднозначным. Рахманный (Н.В. Веревкин) в повести «Женщина-писательница» (1837) рисует ужасающие картины: «авторское тщеславие овладеет девами, женами и вдовицами. И солнце ясное померкнет от туч стихов. И земля разверзнется под гнетом прессов, печатающих дамские романы, дамские записки. И наступит преставление здравого смысла» [8, с. 48]. Эти противоречивые тенденции, разнообразные суждения и мнения по поводу роли женщин в обществе и в искусстве неизменно получают отражение на страницах периодики тех лет.

Едва ли не ведущим энциклопедическим, в том числе и литературным, журналом в России 1839 г. становятся «Отечественные записки», официальным редактором которых делается А.А. Краевский. Обновлённое издание пользовалось огромной популярностью: «Мы брали книжку чуть не с боя, перекупали один у другого право её читать раньше всех, потом, все первые дни, у нас только и было разговоров, рассуждений, споров, толков, что о Белинском да о Лермонтове», – вспоминал художественный и музыкальный критик В.В. Стасов [цит. по: 16, с. 470]. В первом же номере журнала появилась «Дума» М.Ю. Лермонтова, затем главы из «Героя нашего времени» и ряд стихотворений поэта. Осенью 1839 г. постоянным сотрудником журнала стал В.Г. Белинский. Немалое место в обновлённых «Отечественных записках» занимали вопросы судеб прекрасного пола в современном мире, что отразилось в произведениях как писателей, так и писательниц: Е.П. Ростопчиной, Е.А. Ган, Н.А. Дуровой, М.С. Жуковой, К.К. Павловой.

Показательно, что отдел «Словесности» первого номера обновлённого издания «Отечественных записок» открывается «Русской песнью» А.А. Дельвига – грустной лирической исповедью простой девушки, потерявшей заветное колечко друга дорогого. Затем, после стихотворения А.С. Пушкина «В альбом», следует повесть В.Ф. Одоевского «Княжна Зизи», в центре которой – судьба необычной, самобытной героини, чуть не павшей жертвой самоотверженной, но в то же время преступной любви, однако сумевшей преодолеть собственную страсть и решившейся во имя своего маленького племянника ввязаться в судебные тяжбы. Как *романтическая* героиня княжна Зизи противопоставлена обществу и окружена ореолом тайны, но наличие бытовых подробностей, укоренённость событий и характеров в русской жизни позволяют говорить о «своеобразном симбиозе романтических и реалистических черт» в повести [29, с. 74]. Хотя у Одоевского и встречаются «сочувственные ссылки на французских романистов, особенно на Ж. Санд» [26, с. 373], но в «женском вопросе» он едва ли разделял радикальность взглядов писательницы. Княжна Зизи никоим образом не посягает на традиционную мораль, деятельность героини не носит об-

щественного характера, и об этом, как следует из эпитафия, не мечтает для неё сам автор: «Иногда в домашнем кругу нужно больше героизма, нежели на самом блистательном поприще жизни. Домашний круг – для женщины поле чести и святых подвигов. Зачем немногие это понимают?...» [18, с. 3]. Эпитафием Одоевский опровергает романтический постулат о ничтожности повседневности и предлагает иное понимание героизма, но отнюдь не иное поприще для свершения женских подвигов.

Значимым в «Княжне Зизи» оказывается и посвящение. При публикации в «Отечественных записках» оно звучало лаконически: «Е.А. С–ъ», однако уже в Собрании сочинений 1844 г. адресат указан полностью: Е.А. Сухозанет. Речь идёт о светской даме, близко знакомой Одоевскому по «Обществу посещения бедных в Санкт-Петербурге». По мнению Г.М. Седовой, весьма возможно, что «идея повести была отголоском их бесед о положении женщины в обществе», и это тем более вероятно, что подпись под эпитафием к «Княжне Зизи» гласит: «слова женщины» [27, с. 198].

Впоследствии рассказчик повести раскроет мысль эпитафия подробнее: «во всех гостиных, в присутственных местах толковали, смеялись, поносили девушку, которая забыла стыд, обложила себя указами, окружила себя стряпчими, приказными», – но тем сильнее хочется рассказчику «познакомиться с столь необыкновенною женщиною, которая в малом семейном круге умела показать более благородства и твердости души, нежели многие мужчины на поприщах более возвышенных» [18, с. 67] (курсив мой – Ю.С.). Похожую мысль выскажет Панаев, заметив о героине «Дочери чиновного человека»: «Мы, с таким рвением, с такою пытливостию изучающие жизнь людей великих, имена которых нарезаны веками на скрижали бессмертия, мы, дивящиеся силе их воли, их героизму, их самоотвержению, – мы не знаем, что среди нас, в этом обществе, в этой мелкой жизни, в которой бесцельно кружимся, есть характеры не менее великие, не менее достойные изучения. Не их вина, что они обставлены другими обстоятельствами, что они *действуют в ограниченном домашнем кругу*, а не на обширном гражданском позорище» [20, с. 19] (курсив мой – Ю.С.).

Подобные размышления о роли и месте женщины в обществе не раз появляются и в лирике. Так, в стихотворении «Поэзия женщины» В. Филлимонов, обращаясь к дамам, говорит: «Уж есть поэзия в самой природе вашей, // Поэзий выше всех – поэзия семей» [30, с. 142], – именно дом и семья остаются подлинным поприщем женщины, на котором раскрывается не только её хозяйственная, но и *поэтическая* сущность. Схожий взгляд сохранится и в русской классике второй половины XIX в. [см. подробнее: 11].

Такая позиция характерна не только для России того времени, но и для Европы. В.М. Жирмунский, говоря о немецких романтиках начала XIX в.,

отмечает, что они «становятся проповедниками *воспитания* женщин, *освобождения* женщин, участия женщин в творчестве культурных ценностей», однако речь идёт «не о равноправии и не о равенстве мужчин и женщин, а о равноценности мужской и женской культуры» при сохранении «разницы между мужчиной и женщиной» (курсив Жирмунского – Ю.С.) [12, с. 68]. Ф. Шлегель пишет: «Женщина – символ красоты и добра; мужчина – правды и справедливости. В мужчине главное – разум, в женщине – чувство. С женщинами родилась любовь, и они родились с любовью. Женщины похожи на растения» [цит. по: 12, с. 69]. К 1830-м гг. подобная позиция изменится мало, недаром даже в прогрессивной Франции молодая Аврора Дюпен, чтобы прославиться на писательском поприще, решит взять мужской псевдоним – Жорж Санд.

Характеризуя отношение русского общества и литераторов к личности и творчеству Ж. Санд в 30-е гг., О.Б. Кафанова приходит к выводу, что «анализ ее творчества был в это время обеднен из-за враждебного отношения большинства российских критиков к идеям женской эмансипации», и только к «концу 1830-х гг. начали раздаваться голоса (пока еще единичные) в защиту нравственного пафоса ее сочинений» [13, с. 111].

Ситуация начнёт меняться в 40-е гг., хотя и не станет проще (вспомнить хотя бы спор западников и славянофилов о роли женщины в повести А.И. Герцена «Сорока-воровка»). Неоднозначной была и позиция Белинского по отношению к женскому творчеству. Если с 1841 г. «Отечественные записки» под влиянием критика и превратятся «в орган восторженного культа Ж. Санд» [13, с. 110], то оценка Белинским произведений русских писательниц будет далеко не однозначной [см. подробнее: 25].

Однако русские писательницы «Золотого века» были и сами очень далеки от революционных лозунгов, призывавших к равноправию мужчин и женщин, к разрушению семей и свободной любви. Так, для Е.А. Ган, которую «иногда даже называют “первой русской феминисткой”», по мнению Э. Шорэ, характерна патриархальная картина мира: «Санд якобы побуждает к разрыву брачных связей, в то время как Ган видит счастье женщины исключительно в рамках этого общественно признанного союза. <...> У Ган желания героинь на уровне содержания текста часто оборачиваются также их моральным возвышением, выраженным, однако, в мотиве самоотречения, а нередко и смерти. Мне кажется, в творчестве Ган раскрывается – и в этом ее решающее отличие от Санд – невозможность становления женского “Я” вообще» [34].

И действительно, в повестях Ган одарённая героиня не находит себе места в мире. Характерно само название одной из её повестей, появившихся в «Отечественных записках» под псевдонимом Зенеида Р-ва: «Напрас-

ный дар». Задумываясь над особенностями различий полов, рассказчица пишет: «чем объяснить проявление характеров предприимчивых, твердых, неустрашимых в слабых телах женщин, и бесхарактерности, бесстрастия, унижающего человечество в богатырских сердцах мужчин <...>?» [9, с. 4]. Но женщина, даже и обладающая сильным духом, обречена на неудачу – общественные предрассудки не дадут реализоваться её талантам. Доктор, наблюдающий за угасанием героини, размышляет об осуждающих её людях: «Они признали ее сумасшедшею, оттого, что их грубому осязанию недоступны ни нежность ее чувств, ни утонченность ее влечений, ни возвышенность ее ума. <...> они принудили отказаться от вдохновения за нищенский кусок их хлеба, и когда деятельность ее духа, крепко скованного, начала внутренно грызть ее и прорываться без ведома ее на волю, они отравили жизнь ее горькими сомнениями в себе самой, уверили её, будто она безумная, и в самом деле едва не свели с ума» [9, с. 15]. Героиня приходит к неутешительному выводу: «Мужчины! Как огромны ваши преимущества, как благословенны ваши права! Вам открыты все пути искусства, наук, поэзии, славы <...> Немного терпения, труда, непоколебимой воли – и вы можете все достигнуть, тогда как женщина, равная вам талантами и высоко превосходящая вас сердцем, должна прозябать в пустыне, в неизвестности <...> от того только, что она женщина!.. И напрасен дар ее, напрасны все порывы к усовершенствованию...» [9, с. 38]. Таким образом, у Ган женский вопрос ставится и осмысливается не столько в социальной, сколько в духовной перспективе, связанной с отсутствием для женщины возможности преумножать таланты, данные Богом, с попранием её человеческого достоинства.

Противостояние грубой действительности и возвышенной, хрупкой мечты необычной, чуткой души – один из центральных мотивов женского творчества того времени [см. подробнее: 13; 17; 25; 34]. Несчастную долю девушки, оказавшейся у богатой родственницы на правах приживалки и не имеющей возможности изменить свою судьбу, печальными красками живописует Е.П. Ростопчина в лирической зарисовке «Существенность и Вдохновение, или Жизнь девушки». В.Г. Белинский со страниц «Московского наблюдателя» напишет, что отрывок этот «поражает удивлением, и если хотите знать почему, прочтите сами этот удивительный отрывок» [4, с. 190] (курсив Белинского – Ю.С.), не пояснив своей мысли. Впоследствии критик будет ставить поэтессе в упрек отсутствие «какой бы то ни было могучей мысли» в произведениях после 1837 г., считая, что все её переживания и раздумья вертятся «или около я автора, или в заколдованном кругу светской жизни, не выходя в сферу общечеловеческих интересов, которые только одни могут быть живым источником истинной поэзии» [5, с. 656]. Однако «Существенность и Вдохновение, или Жизнь девушки» едва ли

можно обвинить в отсутствии общечеловеческих тем и острой социальной подоплёки проблемы, а потому загадочная оценка Белинским этого отрывка, как представляется, была именно положительной, направленной на то, чтобы заинтриговать читателя и побудить его прочесть горестные строки:

Княгиня Столбина, сердитая старуха,
Надменная, с тщеславием пустым...
<...>

И намекает мне, при каждом слове,
Что я из милости у ней водворена
И призрена. Нет, не могу сказать,
Как неприятно мне, как больно, как обидно,
Такое странное со мною обращенье.

Как недовольна я всем тем, что здесь нашла... [23, с. 3].

Похожий женский образ у Ростопчиной появляется и в опубликованных чуть ранее «Отрывках из поэмы», помещённых сразу же за «Княжной Зизи»:

И не роптала бы на рок и на людей!
Но для чего меня, беспечного ребенка,
От жизни по сердцу насильно оторвали,
От всех моих привычек отлучили,
И бросили в мир чуждый сиротой,
И предали мечтаньям одиноким?... [22, с. 72]

Отраду девушке может принести только творчество, однако и в него примешивается яд сомнения и отчаяния, во многом связанный, как и у Ган, с общественным отношением к женской доле, с представлениями о подобающих и не подобающих занятиях для прекрасного пола. Героиню Ростопчиной терзают сомнения в подлинности её дара – действительно ли она обладает «прямым талантом», или же это «только действие нездорового рассудка, // Воображения, расстроенного грустью?». Но её укрепляет осознание того, что «святое вдохновение» само снисходит в чуждую тщеславия или корысти душу:

Не я виной, что вдруг во мне проснулся
Глас внутренний, что он заговорил
Поэзии языком самородным [22, с. 73].

«Отечественные записки» высоко оценили «Очерки большого света» Ростопчиной – изданные в 1839 г. под одной обложкой повести «Чины и деньги» и «Поединок» под псевдонимом «Ясновидящая». Рецензент журнала особенно подчеркнул «живой инстинкт сочинителя», который «магически действует на живой инстинкт читателей, – и читатель понимает все, даже недосказанное автором; ибо поэтические, творческие произведения

действуют гораздо более на духовный инстинкт, нежели на ум и воображение человека» [19, с. 14].

Немало женских персонажей появляется в «Павильоне» Александрова (Н.А. Дуровой), но несомненный интерес оригинальностью и одновременно автобиографичностью представляет образ рассказчицы. Она не просто стремится стать наравне с мужчиной, но успешно занимает его место, переодеваясь в офицерский мундир. Рассказчица объединяет в себе смелость и решительность, присущие мужчине, с женской добросердечностью и чуткостью. Особый колорит повести придаёт контрастное сочетание описания реалистических, бытовых сторон военной службы с романтическим флёр-ом страшной тайны и кипением страстей.

Авторов «Отечественных записок» интересуют не только образованные женщины современности, но и их предшественницы в далёком прошлом, и представительницы простого народа. Высокую оценку даёт журнал «Басурману» И.И. Лажечникова, герои которого, по мнению рецензента, «типические, стоящие вровень со своим веком и поэтически прекрасные» [1, с. 46], в том числе и женский образ, в котором писатель предпринимает попытку осмыслить психологию русской девушки допетровской поры. О трагических судьбах простых женщин из народа говорят стихотворения А.А. Дельвига, А.В. Кольцова, В. Красова, Е. Гребёнки. В журнале также описываются реальные происшествия, героинями которых являются представительницы прекрасного пола. Например, мужественное спасение крестьянкой тонущего человека, сброшенного в воду грабителями, её помощь в поимке преступников, в результате чего «крестьянка нижегородского помещика Гончарова, Надежда Яковлева, награждена серебряною медалью с надписью: “за спасение погибавших”, для ношения на груди на владимирской ленте» [28, с. 29].

Однако рядом с конкретными примерами из жизни или пусть вымышленными, но наделенными реалистическими чертами героинями произведений всё ещё много абстрактно-воздушных женских образов. Например, в повестях «Дочь чиновного человека» Панаева, «История двух калош» Соллогуба. Немало их и в лирике:

О дева! Покровом завистливой мглы
Подернулся взор твой – Соперник денницы;
Ты плачешь – и слезы, как капли смолы,
Дрожат и сверкают на иглах ресниц [6, с. 166], –
воскликает лирический герой В.Г. Бенедиктова.

Всё здесь: обращение, эпитеты, сравнения, размытость облика героини, неизвестность причины её возвышенной скорби – к концу 1830-х гг. уже начинает восприниматься как эпигонство, как дань отжившей и теперь уже искусственной эстетике. Так, «Сын Отечества» сетует на то, что «От-

ечественные записки» «за стихи г-на Лермонтова заставляют читателей прочитать стихи г-на Баратынского и г-на Бенедиктова» [2, с. 182]. «Противоядием» против «чтения повестей Марлинского» называет В.Г. Белинский «прекрасную» «Бэлу» Лермонтова [4, с. 188]. Однако «Отечественные записки», как отмечает В.Э. Вацуро, «печатая “Бэлу”, одновременно приветствуют появление “Муллы-Нура” и “Мести”» [7, с. 341] (речь идёт о повестях А.А. Бестужева-Марлинского).

Лермонтов, на первый взгляд, вписывался в существующую романтическую традицию кавказских повестей, однако различия очень скоро стали очевидны. Прекрасная черкешенка – сугубо романтический до Лермонтова персонаж – в «Бэле» обретает неожиданные реалистические черты. Сам выбор автором в качестве рассказчика не восторженного или разочарованного, не влюбленного или полного ненависти, но спокойного и рассудительного штабс-капитана Максима Максимыча во многом предопределяет колорит повести. Рисуя портрет Бэлы, рассказчик особо подчеркивает её глаза – «чёрные, как у горной серны, так и заглядывали нам в душу» [14, с. 177]. Но затем это романтическое сравнение уступает более прозаическому сопоставлению женщины с лошастью. «Неужели не стоит Бэла твоего скакуна?», – прямо спросит Азамат Казбича, и тот ответит словами народной песни: «Золото купит четыре жены, // Конь же лихой не имеет цены» [14, с. 181].

Так и в «Тамани» перед читателем сначала предстает романтический образ таинственной героини, подобной «Гётевой Миньоне»: «те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни...» [15, с. 150]. Но поведение красавицы получает вполне рациональное объяснение – оно оказывается намеренным, и таинственный романтический флёр разбивается о повседневность жизни «честных контрабандистов».

Таким образом, женщины и литература, женские образы в литературе – важные, всё ярче и настойчивее заявляющие о себе темы как в художественных произведениях и публицистике конца 1830-х гг., так и в самой жизни. Рубеж десятилетий стал не только хронологической датой – именно в это время происходит смена магистрального вектора русской словесности от романтизма к реализму, в котором всё большее внимание уделяется социальной проблематике, и далеко не в последнюю очередь – «женскому вопросу». Стремление к объективному осмыслению русской жизни неизбежно заставляет задуматься над положением представительниц прекрасного пола в современном обществе. В то же время на русскую литературу влияет и развитие эмансипации в Европе, связанное прежде всего с личностью и творчеством Ж. Санд. Однако в произведениях не только русских писателей, но и русских писательниц пока ещё доминирует патриархальная

картина мира. «Женский вопрос» ставится ими в ракурсе не столько социально-политическом, сколько нравственно-этическом и духовном, связанном с попранием человеческого достоинства женщины, невозможностью для неё реализовывать данные Богом таланты. Частым мотивом становится столкновение возвышенной, необычной и чуткой героини с грубой действительностью. Однако, несмотря на неоднозначное и скорее негативное отношение русского общества к перспективам женской эмансипации, несомненен рост интереса к судьбам прекрасного пола, причём к представительницам не только образованного сословия, но и простого народа, что свидетельствует о всё более возрастающей важности роли женщины как в социуме, так и в искусстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басурман, сочинение И. Лажечникова // Отечественные записки. 1839. Т. 2. № 2–3. Отд. 6. С. 1–46.
2. Белинский В.Г. Журналистика // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 4. М., 1954. С. 177–188.
3. Белинский В.Г. Повести Марьи Жуковой // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 4. М., 1954. С. 110–118.
4. Белинский В.Г. Русские журналы // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. М., 1953. С. 168–192.
5. Белинский В.Г. Сочинения Зенеиды Р-вой. Санкт-Петербург. 1843. Четыре части // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 7. М., 1955. С. 632–676.
6. Бенедиктов В.Г. Слезы и звуки // Отечественные записки. 1839. Т. 2. № 2–3. Отд. 3. С. 166.
7. Вацуро В.Э. Лермонтов и Марлинский // Творчество М.Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814–1964. М.: Наука, 1964. С. 341–363.
8. Веревкин Н.В. Женщина-писательница // Библиотека для чтения. 1837. Т. 23. Отд. I. С. 17–131.
9. Ган Е.А. Напрасный дар // Отечественные записки. 1842. Т. 11. № 3–4. Отд. 1. С. 3–65.
10. Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб.: Типография В.С. Балашёва, 1889. 308 с.
11. Есаулов И.А. Творчество Л.Н. Толстого в контексте «большого времени» и современные представления о «толерантности» // Русская словесность в мировом культурном контексте: сборник материалов VI Международного конгресса / под общ. ред. И.Л. Волгина. М.: Белый ветер, 2016. С. 66–71.
12. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Аксиома, 1996. 232 с.
13. Кафанова О.Б. Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность). 1830–1860 гг. Томск: Томский государственный педагогический университет, 1998. 410 с.

14. Лермонтов М.Ю. Бэла // Отечественные записки. 1839. Т. 2. № 2–3. Отд. 3. С. 167–212.
15. Лермонтов М.Ю. Тамань // Отечественные записки. 1840. Т. 8. № 1–2. Отд. 3. С. 144–154.
16. Марченко А.М. Лермонтов. М.: АСТ, 2009. 624 с.
17. Моисеева Л.П. Проблема женской эмансипации в русской литературе 30–40-х годов XIX века // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 164–171.
18. Одоевский В.Ф. Княжна Зизи // Отечественные записки. 1839. Т. 1. № 1. Отд. 3. С. 3–70.
19. Очерки Большого Света // Отечественные записки. 1839. Т. 2. № 2–3. Отд. 7. С. 14–17.
20. Панаев И.И. Дочь чиновного человека // Отечественные записки. 1839. Т. 3. № 4–5. Отд. 3. С. 9–96.
21. Рамазанова Г.Г. Женская лирика в журнале «Московский наблюдатель» // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. Вып. 47. № 29 (210). С. 123–126.
22. Ростопчина Е.П. Отрывок из поэмы // Отечественные записки. 1839. Т. 1. № 1. Отд. 3. С. 71–73.
23. Ростопчина Е.П. Существенность и Вдохновение, или Жизнь девушки // Отечественные записки. 1839. Т. 3. № 4–5. Отд. 3. С. 1–8.
24. Руссов С.В. Библиографический каталог российским писательницам. СПб., 1826. 46 с.
25. Савкина И. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века) [Электронный ресурс]. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/savkina_book.htm (дата обращения: 08.11.2017).
26. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Кн. В.Ф. Одоевский. Т. 1. Ч. 2. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. 479 с.
27. Седова Г.М. Повесть В.Ф. Одоевского «Княжна Зизи» и один из устойчивых мифов о семье Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 16–17. СПб.: Наука, 2003. С. 198–217.
28. События в Отечестве, в первую половину 1839 года // Отечественные записки. 1839. Т. 7. № 12. Отд. 1. С. 1–38.
29. Удодов Б.Т. Очерки истории русской литературы 1820–1830-х годов: учебное пособие для студентов-филологов. Воронеж: Типография И.П. Алейникова, 2004. 379 с.
30. Филимонов В.С. Поэзия женщины // Отечественные записки. 1839. Т. 2. № 2–3. Отд. 3. С. 142.
31. Чупринова Н.В. Влияние литературных салонов на женское творчество первой половины XIX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 1. С. 135–140.
32. Шевцова Л.И. Лирика Е.П. Ростопчиной. Проблемы поэтики. М.: Лермонтовское общество, 2007. 120 с.
33. Шевырев С.П. Три повести Н. Павлова // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. № 1. С. 120–130.

34. Шорэ Э. Елена Ган – русская Жорж Санд? [Электронный ресурс]. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/pol_gender_cultura_m2000_v.htm (дата обращения: 08.11.2017).

REFERENCES

1. [An alien, essay by I. Lazhechnikov]. In: *Otechestvennye zapiski*, 1839, vol. 2, no. 2–3, sec. 6, pp. 1–46.
2. Belinsky V.G. [Journalism]. In: Belinsky V.G. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 4* [The complete works. Vol. 4]. Moscow, 1954, pp. 177–188.
3. Belinsky V.G. [The story of Maria Zhukova]. In: Belinsky V.G. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 4* [The complete works. Vol. 4]. Moscow, 1954, pp. 110–118.
4. Belinsky V.G. [Russian magazines] In: Belinsky V.G. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 3* [The complete works. Vol. 3]. Moscow, 1954, pp. 168–192.
5. Belinsky V.G. [Zeneide R-voy's works. Saint-Petersburg. 1843. 4 parts] In: Belinsky V.G. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 7* [The complete works. Vol. 7]. Moscow, 1954, pp. 632–676.
6. Benediktov V.G. [Tears and sounds] // *Otechestvennye zapiski*, 1839, vol. 2, no. 2–3, sec. 3, pp. 166.
7. Vatsuro V.E. [Lermontov and Marlinsky]. In: *Tvorchestvo M.Yu. Lermontova: 150 let so dnya rozhdeniya, 1814–1964* [M.Yu. Lermontov's creative activities: 150 years since birth, 1814–1964]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 341–363.
8. Verevkin N.V. [An authoress]. In: *Biblioteka dlya chteniya* [Library for reading], 1837, vol. 23, sec. I, pp. 17–131.
9. Gan E.A. [A wasted gift]. In: *Otechestvennye zapiski*, 1842, T. 11, no. 3–4, sec. 1, pp. 3–65.
10. Golitsyn N.N. *Bibliograficheskiy slovar' russkikh pisatel'nits* [The bibliographical dictionary of Russian women writers]. St. Petersburg, Printing house of V. Balashev, 1889. 308 p.
11. Esaulov I.A. [Tolstoy in the context of “big time” and modern notions of “tolerance”]. In: *Russkaya slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste: sbornik materialov VI Mezhdunarodnogo kongressa* [Russian literature in the world cultural context: proceedings of the VI International Congress]. Moscow, Belyi veter Publ., 2016, pp. 66–71.
12. Zhirmunskii V.M. *Nemetskiy romantizm i sovremennaya mistika* [German romanticism and modern mysticism]. St.Petersburg, Aksioma Publ., 1996. 232 p.
13. Kafanova O.B. *Zhorzh Sand i russkaya literatura XIX veka (Mify i real'nost')*. 1830–1860 gg. [George Sand and the Russian literature of XIX century (Myths and reality). 1830–1860]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 1998. 410 p.
14. Lermontov M.Yu. [Bela]. In: *Otechestvennye zapiski*, 1839, vol. 2, no. 2–3, sec. 3, pp. 167–212.
15. Lermontov M.Yu. [Taman]. In: *Otechestvennye zapiski*, 1840, vol. 8, no. 1–2, sec. 3, pp. 144–154.
16. Marchenko A.M. *Lermontov*. Moscow, AST Publ., 2009. 624 p.
17. Moiseeva L.P. [The problem of women emancipation in the Russian literature of

the 30-40s of the XIX century]. In: *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2000, no. 4, pp. 164–171.

18. Odoevsky V.F. [Princess Zizi]. In: *Otechestvennyye zapiski*, 1839, vol. 1, no. 1, sec. 3, pp. 3–70.

19. [Essays of the Great Light]. In: *Otechestvennyye zapiski*, 1839, vol. 2, no. 2–3, sec. 7, pp. 14–17.

20. Panaev I.I. [The daughter of a bureaucrat]. In: *Otechestvennyye zapiski*, 1839, vol. 3, no. 4–5, sec. 3, pp. 9–96.

21. Ramazanova G.G. [Female lyrics in the journal “Moscow Observer”]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2010, iss. 47, no. 29 (210), pp. 123–126.

22. Rostopchina E.P. [An excerpt from the poem]. In: *Otechestvennyye zapiski*, 1839, vol. 1, no. 1, sec. 3, pp. 71–73.

23. Rostopchina E.P. [Significance and Inspiration, or the life of a girl]. In: *Otechestvennyye zapiski*, 1839, vol. 3, no. 4–5, sec. 3, pp. 1–8.

24. Russov S.V. *Bibliograficheskii katalog rossiiskim pisatel'nitsam* [Bibliographic catalogue of Russian writers]. St. Petersburg, 1826. 46 p.

25. Savkina I. *Provintsiialki russkoi literatury (zhenskaya proza 30–40-kh godov XIX veka)* [Provincial Russian literature (female prose of 30–40s of the XIX century)]. Available at: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/savkina_book.htm (accessed: 08.11.2017).

26. Sakulin P.N. *Iz istorii russkogo idealizma. Kn. V.F. Odoevskii. T. 1. Ch. 2.* [From the history of Russian idealism. Prince V.F. Odoevsky. Vol. 1. P. 2]. Moscow, Edition of M. & S. Sabashnikovyykh, 1913, 479 p.

27. Sedova G.M. [V.F. Odoevsky's story “Princess Zizi” and one of the persistent myths about the family of Pushkin]. In: *Pushkin: Issledovaniya i materialy. T. 16–17* [Pushkin: Studies and materials. Vols. 16–17]. St. Petersburg, Nauka, pp. 198–217.

28. [Otechestvennyye zapiski] («Domestic notes») in the first half of 1839]. In: *Otechestvennyye zapiski*, 1839, vol. 7, no. 12, sec. 1, pp. 1–38.

29. Udodov B.T. *Ocherki istorii russkoi literatury 1820–1830-kh godov* [Essays on the history of the Russian literature of the 1820–1830s]. Voronezh, Publishing House of I.P. Aleynikov, 2004. 379 p.

30. Filimonov V.S. [Poetry of a woman]. In: *Otechestvennyye zapiski*, 1839, vol. 2, no. 2–3, sec. 3, pp. 142.

31. Chuprinova N.V. [The influence of literary salons for women]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2014, no. 1, pp. 135–140.

32. Shevtsova L.I. [E.P. Rostopchina's lyrics. Problems of poetics]. Moscow, Lermontov society Publ., 2007. 120 p.

33. Shevryev S.P. [Three novels of N. Pavlova]. In: *Moskovskii nablyudatel'* [Moscow Observer], 1835, p. 1, no. 1, pp. 120–130.

34. Shore E. *Elena Gan – russkaya Zhorzh Sand?* [Elena Gan – Russian George Sand?]. Available at: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/pol_gender_cultura_m2000_v.htm (accessed: 08.11.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сытина Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: yulyasytina@yandex.ru

Yuliya N. Sytina – PhD in Philological sciences, associate professor at the Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State University; e-mail: yulyasytina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Сытина Ю.Н. «Отечественные записки» рубежа 1830–1840-х гг. и развитие женской эмансипации // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Sytina Yu.N. «Otechestvennye zapiski» («domestic notes») magazine on the edge of 1830-1840s and the development of women's emancipation. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2017, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru